

он всякий раз приходит во время обеда, а одновременно отплатить и хозяину.

– Ну, почтеннейший, что скажете? – спросил он, открывая дверь.

– Я хотел бы переговорить с господином прокурором о своем деле.

– Ну, что же, – сказал Фуке. – Изложите его мне, а я ему передам.

– Ох, – сказал добряк, – мне непременно нужно переговорить самому. Без меня вы ничего не сумеете.

– Хорошо, – молвил Фуке, – я ему скажу, что вы пришли.

Фуке вошел к хозяину и сказал:

– Тот человек из Баньо хочет с вами переговорить.

– Просите его сюда, – сказал прокурор.

– Сударь, – заявил Фуке, – он совсем оглох или, по крайней мере, очень плохо слышит. Если вам угодно, чтобы он вас расслышал, то с ним нужно говорить как можно громче.

– Хорошо, – сказал прокурор, – я буду говорить громко.

Фуке вернулся к добряку и сказал:

– Друг мой, можете переговорить с господином прокурором, но только вот что я вам скажу: в последнее время он страдает воспалением уха и почти совсем оглох. Когда вы будете с ним говорить, то кричите громче, иначе он вас не расслышит.

Сделав свое дело, он пошел заканчивать свой обед, говоря про себя: «А нуте-ка, почтенные, поговорите теперь о ваших секретах!» Добряк вошел в кабинет прокурора и приветствовал его, крича на весь дом:

– Добрый день, господин прокурор!

Прокурор ответил ему еще громче:

– Храни вас бог, любезный! Что скажете?

Затем они начали говорить о деле и принялись кричать словно в лесу. Когда они вдоволь накричались, добряк простился с прокурором и ушел. Но вот, несколько дней спустя, этот добряк пришел опять, и случайно в то время, когда Фуке ушел по поручению хозяина в город. Добряк вошел и, обменявшись с прокурором приветствием, спросил его, как он себя чувствует. Тот ответил, что хорошо.

– Слава богу, господин прокурор! – сказал добряк. – По крайней мере вы теперь слышите? В последний раз, когда я к вам приходил, мне пришлось говорить с вами довольно громко. Но теперь вы, слава богу, хорошо слышите.

Прокурор изумился:

– А вы, любезный, вылечили свои уши? Ведь это вы плохо слышали?

Добряк ответил, что уши у него никогда не болели и что он, слава богу, всегда прекрасно слышал. Прокурор тотчас же догадался, что это проделка Фуке, и скоро нашел случай его проучить.

Однажды Фуке, отправившись в город с поручением от прокурора, не мог устоять против соблазна поиграть недалеко от дома в мяч, что он делал почти всякий раз, когда хозяин куда-нибудь его посылал. Хозяин это прекрасно знал, ибо несколько раз сам заставлял его за этим занятием. На этот раз, зная, что Фуке уже за своим обычным занятием, он сообщил одному цирюльнику, своему куму, о своих намерениях и попросил его приготовить новый веник и сидеть дома. Подождав, пока Фуке не разгорячился игрой, прокурор пришел на место игры в то время, когда тот уже выиграл свои две дюжины и играл для того, чтобы сквитаться. Увидев, как он раскраснелся, прокурор сказал:

– Ах, дружок мой, это вам очень вредно. Вы заболаете, а ваш отец будет винить в этом меня.

И сойдя с ним с площадки, привел его к цирюльнику.

– Будь любезен, куманек, – сказал он, – одолжи мне для этого мальчугана какую-нибудь рубашку и вытри его. Он весь вымок.

– Господи! Да он схватит простуду! – сказал цирюльник. – Уж я постараюсь.

Они ввели Фуке в заднюю половину лавочки и раздели его возле огня, который они нарочно развели, чтобы не внушить подозрений. А тем временем для бедного Фуке, доверчиво позволившего раздеть себя донага, уже готовились розги. Когда он был раздет, эти розги начали чистить его пониже живота и по всему телу. Стегая его, хозяин приговаривал:

– Ну, Фуке, я был когда-то глухим, а у тебя нет ли теперь насморка? Чувствуешь, как пахнет веник?